

РАЗДЕЛ 1
ФЕНОМЕН Н.Н. СТРАХОВА ГЛАЗАМИ
НАШИХ СОВРЕМЕННОКОВ

Е.А. Антонов
(БелГУ, Белгород)

Н.Н. Страхов и русская философия XXI столетия

В духовной культуре России второй половины XIX века важное место занимает Н.Н.Страхов, широко известный в свое время мыслитель, философ, литературный критик, переводчик и издатель. Приступая к рассмотрению его философских взглядов, необходимо учитывать те условия, которые наложили своеобразный отпечаток на ход его мыслей. В течение сорока лет непрерывной мыслительной деятельности он находился в сложной социокультурной обстановке, сложившейся в России в это время. Разносторонность интересов и широта образования (его считали одним из просвещеннейших людей России) позволяли ему заниматься различными видами духовной деятельности. Однако сам он считал главным своим занятием философию, которая, по его мнению, «есть трезвый, здоровый взгляд на мир» (4,с.2-3). В философии он ценил диалог, преемственность, творческое взаимообогащение, движение к взаимопониманию.

В условиях гонения на философию Н.Н.Страхов наряду с П.Д.Юркевичем, А.А.Козловым и др. русскими мыслителями выступал в защиту философии как самостоятельной области знания. Это было время презрения к философии, когда можно было прослыть неумным и отсталым, если серьезно занимаешься ею. И все же несмотря на все трудности философские идеи и концепции «прорастали» сквозь догматизм и оказывали существенное влияние на культурные слои русского общества.

Эпоха, когда он жил и творил, была переходной не только в социальной, но и духовной жизни российского общества. Ожидать в это время появления каких-то завершенных философских систем вряд ли имеет смысл. В полной мере это имеет отношение и к Н.Н.Страхову, для которого на передний план выходила правильная постановка вопросов в области философии. Лишь после этого можно вполне осознанно размышлять, создавать гипотезы и строить модели. В его время системосозидание в философии еще не наступило. В полной мере это относится в русской философии в целом.

Под покровом теории «двойственной истины» – истины веры и истины разума – проводил Страхов свой пантеизм. Эволюция его творчества – это эволюция пантеиста. Такой подход допускал полную свободу исследования.

Н.Н.Страхова недаром называли мостом в философии и литературоведении между славянофилами и представителями русского философского ренессанса. Вместе с тем значение творчества Страхова не исчерпывается тем, что он был «мостом». Учение Страхова было тем интегратором, трансформатором, пропускавшим через себя культурное достояние эпохи, в которую он жил и творил.

В постоянной борьбе с такими течениями как нигилизм, спиритизм, западничество он выступал как своеобразный охранитель. Он всегда рассматривал свое «критическое дело» как пропедевтику, по окончании которой хотел перейти к «доктринальной» части своей работы, Однако ему это не удалось осуществить, хотя в последние годы своей жизни он и заявлял и намерении написать историю русской философии.

В последующие после его смерти десятилетия XX в. философское наследие оценивалось негативно. И это не удивительно, если вспомнить его резкие выступления против материализма, спиритизма, западничества, русских революционных демократов и социализма. До сих пор само творческое наследие этого мыслителя не стало предметом углубленных исследований отечественных философов. Возвращение его творческого наследия из небытия является насущнейшей задачей нашего сложного и противоречивого вре

мени. Значительный недостаток в исследованиях творчества Страхова связан с отсутствием целостного подхода к его творческому наследию. Получается, что Страхов предстает перед нами в 4 ипостасях: 1.Естественник, который из естествознания ушел и до философии не сумел дойти и войти в нее окончательно и бесповоротно. 2.Литературный критик, «нигилист нигилистов». 3. Переводчик и издатель философской и научной литературы. 4. Философ, поднявший ряд проблем по философии.

После ознакомления с подобной характеристикой невольно возникает вопрос: а сделал ли он что-либо нового, кроме того, что постоянно находился в тени великих литераторов (Достоевский, Толстой), философов (Данилевский, Розанов, Соловьев) и т.д.

Лишь некоторые представители русского зарубежья (Д.И.Чижевский, А.И.Левицкий) высоко оценивали его творчество, стремясь раскрыть подлинное значение философского наследия Н.Н.Страхова. Так, И.А.Левицкий относит Н.Н.Страхова к числу «деятелей, которые расчистили почву для расцвета философии начала XX века». И, действительно, он поставил и изложил свое видение ряда проблем, послуживших дальнейшему развитию русской философии. Можно сказать, что его творчество оказалось средоточием идей, обогнавших свою эпоху. В его философии намечались новые подходы к изучению человека, русского национального самосознания, рационализма, соотношения духовного и материального. Он явился своеобразным предтечей русского религиозно-философского ренессанса.

Исследование его творчества с позиций сегодняшнего дня только начинается. Имеются лишь первые шаги в этом направлении. Все это заставляет нас более пристально взглянуть в философское творчество мыслителя и выявить его действительное место и значение в истории русской философии и культуры в целом.

Сама логика умственного развития в России обеспечивала в XIX веке торжество анализа над синтезом. Это был век преимущественно анализа и критики во всех областях творчества. При этом критика имела в виду не только отрицание, разрушение, но и созидание нового. Будучи органической частью этого направления в культуре, подход Н.Н.Страхова к различным философским и литературным произведениям являлся зачастую критикой критики, а его анализ имел созидательный характер. Критикуя одни и отстаивая другие взгляды, он способствовал их осмыслению и включению в контекст функционирования русской культуры.

Наряду с отмеченными моментами следует также обратить внимание на особенности самой натуры Н.Н.Страхова, склонного больше к анализу, чем к синтезу, преобладания в нем критического дарования над синтетическим творчеством. Как отмечал близко его знавший философ Э.Л.Радлов, «благодаря обширному и всестороннему образованию, а также выдающемуся критическому таланту, Н.Н.Страхов занимал в нашей литературе совершенно своеобразное положение и в деле, например, литературной критики не имел преемника. Необходимо природное дарование, воспитанное в строгой аналитической школе, чтобы вышел критик, равный по силе Н.Н.Страхову» (2, с.344). Причисляя Н.Н.Страхова к «философам аналитикам», Э.Л.Радлов утверждал также, что «значение Н.Н.Страхова, как философа, заключается в его критике, в том, что он отвергал, а не в том, что он строил» (2,с.344). Думается, что это односторонний подход к философии этого своеобразного мыслителя, связанный как с недостаточным освоением его творческой лаборатории, так и с незнанием новых тенденций развития отечественной философии.

По сути дела Н.Н.Страхов стоял у истоков русской идеи философии как «анализа» или философии анализа в противоположность системосозидающим философиям. С одной стороны, страховская философия анализа выступала предпосылкой для формирования системосозидающей философии, подобно тому, как анализ предшествует синтезу. С другой же стороны – это было начало становления самостоятельной ветви в русской философии, т.е. философии анализа, отличной от возникшей в XX веке аналитической философии в рамках неопозитивизма. Ее особенностью было то, что она не отказывалась полностью от прежней метафизики. Более того, именно из гегелевской философии Н.Н.Страхов

брал и активно использовал диалектический метод как подлинно философский метод. Страховский анализ понятий, прояснение их содержания, осуществляемое с диалектических позиций, близок к современному диалектико-логическому и логико-методологическому анализу научного знания.

Представители различных направлений обращались неоднократно к Н.Н.Страхову с требованием «выкинуть свое знамя». Однако он сознательно, исходя из своих принципов не хотел этого делать, настойчиво снимая со своего философского построения всякие ярлыки со всевозможными «измами». Он лишь соглашался с таким живописным названием своей философии как «перегородочная философия». Страхов писал: «Сажу откровенно: я вовсе не умею выкидывать знамена, вовсе не способен к этому. Да, кроме того, я считаю это выкидывание часто бесполезным, а большею частью превредным делом. Обыкновенно и тот кто поднял знамя и те кто обратили взор на это знамя, пускаются в н е и с т о в о е с л о в о и з л и я н и е. Обыкновенно прекращается всякая работа мысли, всякий труд доказательства и уяснения предмета, а наступает лишь бесконечное повторение одного и того же, верченье на одном и том же месте» (3, с. 279).

Соглашаясь с живописным названием своей философии как «перегородочной», Страхов писал: «Постараемся мыслить строго, отчетливо, то есть будем строго различать и определять принципы, которых держимся, и методы, которым следуем. Другого спасения от путаницы быть не может» (3,с.57-58). И, действительно, его так называемая перегородочная философия проводит разграничительные черты, во-первых, между религией и разумом, во-вторых, между соприкасающимися областями бытия и знания.

Н.Н.Страхов никоим образом не вписывается в классический западноевропейский образ философа, хотя и был мыслителем в подлинном и высшем смысле этого слова. Не ставя перед собой задачи построения собственной философской системы, он стремился понять исследуемый феномен, чтобы максимально точно и адекватно оценить его и вписать в существующую культуру. Он проявил поразительную способность п о н и м а н и я не только русской словесности и естествознания, но и философии. Будучи разносторонним мыслителем, Н.Н.Страхов все же главным делом своей жизни считал философию, которая «есть трезвый, здоровый взгляд на мир» (4,с.2-3). В философии он ценил диалог, преемственность, творческое взаимообогащение, движение к взаимопониманию. Для мыслителя характерно отсутствие доктринального тона при анализе рассматриваемых произведений. При этом он отстаивал право на многообразие взглядов, на уважение к своей и чужой мысли.

Вопрос об определении места Н.Н.Страхова в истории русской общественной мысли весьма актуален и в наши дни. Можно согласиться с А.Н.Арининым и В.Н.Михеевым, что «нельзя категорически относить Страхова к какой-либо школе (например, славянофилов) или направлению общественно-политической мысли (почвенничество), хотя «родственно-го» с ними у философа достаточно. Однако, на наш взгляд, проблематика Страхова гораздо шире, глубже и разнообразнее» (1,с.19). Действительно, сегодня становится все более очевидным, что творчество этого крупного мыслителя не укладывается в отводимы ему рамки, хотя его и нельзя полностью отделить от этих течений. И все же этот вопрос продолжает оставаться и сегодня на повестке дня, поскольку от его решения зависит соответствующая оценка философии Н.Н.Страхова.

Н.Н.Страхов разработал рациональную антропологию, учение о месте человека в природе. Путь самопознания требует, по его мнению, особого рода мышления, особого типа рациональности, который неизвестен науке, достигающей своих целей с помощью исследования «объективности» всех явлений. Можно сказать, что он придерживался созерцательного рационализма, являющегося переходом от религии к естествознанию, но это именно созерцание, а не активный рационализм, присущий западноевропейской культуре, который ищет разума в природе и устанавливает его в обществе. Для Страхова характерна мудрость созерцания, «вчувствования» в философские и художественные произведения и эстетизм высшего порядка. Рациональный ответ на вопросы об окружающем

мире сочетался у него с иррациональным отношением к душе человека, к самому человеку как загадке философии, что позже получило развитие в экзистенциализме.

Подводя итоги рассмотрению философии Страхова, следует отметить, что его идеи созвучны нашему времени в экологическом и космическом планах. Их освоение с позиций нового миропонимания только начинается и хочется надеяться, что они послужат предпосылкой для решения глобальных проблем современности.

Литература

1. Аринин А.Н., Михеев В.М. Прошлое. Настоящее. Будущее. (Историко-философская мысль России XIX – XX вв.). М., 1995.
2. Радлов Э. Несколько замечаний о философии Н.Н.Страхова // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1896.- № 6.
4. Страхов Н.Н. Философские очерки. – Киев, 1906.
5. Страхов Н.Н. О вечных истинах. – СПб., 1887.